

После обеда снег повалил с новой силой.

Ли Чжоучжоу закончил мыть посуду. Оставив на малом огне томиться костный бульон, он насухо вытер руки и поспешил на задний двор, чтобы выкопать оставшуюся на грядках капусту. Подмороженные кочаны нельзя было сразу заносить в тепло, иначе листья быстро испортились бы.

Он аккуратно сложил капусту в дровяном сарае, в самом дальнем углу, подальше от поленьев, чтобы она обсохла.

Когда с огородом было покончено, Чжоучжоу заметил, что крыши свинарника и курятника укрыты толстым слоем снега. Взяв метлу, юноша осторожно счистил его, чтобы кровля не просела под тяжестью.

Вернувшись в сарай, он отобрал те кочаны, чьи листья уже прихватило морозом — их следовало пустить на заготовку кислой капусты. Ли Чжоучжоу закутился в хлопотах: нужно было подготовить кадки, а также вымесить тесто, чтобы оно успело подняться. Когда последняя крышка была плотно прижата гнетом, на деревню уже опустились сумерки. Пора было приниматься за ужин.

В комнате Гу Чжао отложил книгу. Как только свет в окне померк, он понял, что пришло время вечерней трапезы. Мужчина потянулся всем телом и с силой потер ладони друг о друга. Хоть он и говорил раньше, что не стоит топить кан днем, на деле же кан в комнате был теплым, но даже так сидеть за столом весь вечер было холодно.

Первая зима в древнем мире оказалась суровым испытанием, которое нельзя было преодолеть одной лишь силой воли. Было по-настоящему зябко.

Гу Чжао не смел рисковать здоровьем — любая болезнь здесь могла обернуться бедой. И в современности, и в старину лечение стоило немалых денег, а при нынешнем уровне медицины обычная простуда запросто могла свести в могилу.

Обычно он тратил около пяти часов в день на чтение, выписки и решение задач. В утренние и вечерние часы, когда света не хватало, он просто повторял пройденное или читал про себя вчерашний материал.

По-настоящему погрузиться в учебу ему удалось лишь в последние полмесяца. Когда он жил в семье Гу и пытался переписывать книги, Ли Гуйхуа вечно ворчала во дворе, осыпая всех проклятиями. То у неё вода кончилась, то Те-дань разленился — женщина попрекала каждого куском хлеба, жалуясь, что дармоеды прячутся в тепле и не хотят помогать.

Потом началась подготовка к свадьбе. Хоть Гу Чжао и входил в семью как муж-зять, полагалось собрать приданое. И здесь Ли Гуйхуа не упускала случая сэкономить: всё, что стоило денег, она старалась отменить, а если уж приходилось покупать, выбирала самое дешевое.

Тётушки вечно сновали туда-сюда: шили одеяла, кроили одежду. Сама же свекровь только и делала, что заваривала чай да часами щелкала семечки, обсуждая сплетни. О покое можно было только мечтать.

В то время Гу Чжао переписывал иероглифы механически, стараясь просто не делать ошибок, и почти не вникал в суть.

И только в доме Ли, начав жить с Чжоучжоу, душа выходца из современного мира наконец обрела покой. Он почувствовал уверенность.

Теперь это был его дом.

Размяв затекшее за день тело, Гу Чжао направился на кухню. Снегопад на улице прекратился. Войдя в помещение, он увидел, что Чжоучжоу раскатывает лепешки.

— Сегодня будут лепешки-бины?

Ли Чжоучжоу, услышав голос мужа, радостно обернулся, не прекращая работы.

— Да, на пару. Поедим их с кислой капустой. Сянгун, скорее садись к очагу, погрейся, не стой на холоде.

— Хорошо, — послушно отозвался Гу Чжао. — Чжоучжоу, а давай сделаем их побольше? Раскатай их тоньше, сложи пополам и так готовь. Когда они пропарятся, внутрь можно будет положить начинку. Так удобнее: в одной руке лепешка с овощами, в другой — чашка с бульоном.

Иначе приходилось разрываться между палочками и едой, а костный бульон на холоде остывал мгновенно.

Ли Чжоучжоу последовал совету мужа: раскатал тесто потоньше, сложил пополам, не прижимая края, и уложил на бамбуковую решетку, застеленную чистой холстиной. Лепешки в форме полумесяцев занимали совсем мало места.

— Сянгун, как ловко ты придумал! — похвалил его Чжоучжоу.

Гу Чжао довольно зажмурился, выпрашивая награду:

— А полагается ли мне за это какое-нибудь поощрение?

Не дожидаясь ответа, он подался вперед и быстро поцеловал супруга. После чего, сделав невинное лицо, добавил:

— Награду я взял сам. Всё, пойду подброшу дров, буду умницей и не стану тебе мешать.

Ли Чжоучжоу вспыхнул до корней волос. Хорошо еще, что на кухне они были только вдвоем. С этим мужем он совершенно не знал, как себя вести.

Бульон томился больше часа и уже стал молочно-белым. Переставив котел на дальний край плиты, где жар был умеренным, юноша развел сильный огонь под пароваркой.

Достав из кадки несколько стеблей кислой капусты, он отжал их и мелко нарезал.

Гу Чжао, устроившись у огня, быстро почистил чеснок и подал его Чжоучжоу. Тот раздавил дольки обухом ножа и мелко порубил. Когда лепешки дошли до готовности, он обжарил чеснок и капусту с парой ложек свиного жира и мелкими шкварками. Аромат по кухне поплыл такой, что слюнки текли.

Гу Чжао невольно задумался.

«Эх, сюда бы еще щепотку острого перца...»

Но в этом мире не было даже кукурузы, что уж говорить о перце чили. Он перебрал в голове воспоминания прежнего владельца тела: даже спустя десять лет перец так и не появился. А может, и был где-то, но Сяо Чжао о нем и не слыхивал.

Сейчас при династии Дали морская торговля не была под запретом, но в море выходили в основном рыбаки. Были ли настоящие торговые флотилии? Лет через семь на побережье начнут нападать пираты, война затянется на три года, погибнет один из принцев, и тогда император окончательно закроет границы.

А ведь перец, кажется, завезли из Америки...

— Сянгун, о чем ты задумался? Так смотришь на котел, проголодался? Давай я тебе чашку бульона налью, пока хлеб доходит.

— Не голоден, поем вместе с вами и отцом. Я только в комнату на минуту заскочу.

Он вспомнил кое-что важное.

Пока память о современном мире была еще свежа, нужно было всё записать. Семена кукурузы, свойства перца — любая крупица знаний могла пригодиться.

В комнате уже ступили сумерки. Гу Чжао зажег масляную лампу и, примостив её на столе, принялся за работу. Начал он с нескольких строчек, а закончил тем, что по памяти набросал очертания мирового океана и материков. Деталей он, конечно, не помнил, но общее расположение четырех океанов и семи континентов зафиксировал.

Увлечшись, он даже начал отмечать климатические зоны.

Лишь когда во дворе послышался голос супруга, Гу Чжао отложил кисть. Перед ним лежали два листа, плотно исписанных заметками.

— Иду! — он вынес лампу в главную комнату, где Ли Да и Чжоучжоу уже ждали его к ужину. — Записался и совсем счет времени потерял. В следующий раз начинайте без меня, а то всё остынет.

Ли Чжоучжоу подал мужу полотенце, чтобы тот вытер руки.

— Мы только-только накрыли.

В семье не было места лишним церемониям.

Гу Чжао сел за стол и потянулся за лепешкой, но тут же отдернул руку с шипением — хлеб был обжигающе горячим. Чжоучжоу, с улыбкой и сочувствием глядя на него, сам взял лепешку, раскрыл её и большой ложкой положил внутрь начинку.

— Осторожно, горячо.

— Спасибо, радость моя, — просиял Гу Чжао.

Ли Да уже привык к нежностям между молодыми. Не глядя на них, он уверенно взял лепешку и принялся было есть вприкуску с капустой. Но, подсмотрев за сыном, понял, что её можно использовать как кармашек. Надо же, а он и не сообразил, почему сегодня хлеб такой странной формы.

Попробовав сделать так же, мужчина наполнил лепешку овощами и откусил добрую половину. Теперь в другой руке можно было держать чашку с горячим бульоном. Так и впрямь было куда удобнее.

— Это Сянгун придумал так готовить, — с гордостью пояснил Ли Чжоучжоу отцу.

Ли Да не успел ответить — зять уже прижался плечом к плечу супруга и весело заговорил:

— Да что там... Обычная мелочь. А вкусно так потому, что у Чжоучжоу руки золотые.

— Нет, это ты у меня талантливый.

— А ты — лучше всех!

— ... — Ли Да молча жевал. Говорить ему не хотелось.

Он никак не мог понять, когда и как атмосфера в доме так переменялась. Раньше они с сыном ели в полном молчании. А теперь...

Отец старался не смотреть на их милования, но в глубине души признавал: когда в доме шумно и весело — это хорошо.

После ужина Ли Чжоучжоу занялся посудой и поставил греться воду для умывания.

Ли Да окликнул зятя в главной комнате:

— Гу Чжао, завтра я пойду в деревню Шили. Еще раз расскажи мне про ту печь, которую ты хочешь.

— Отец, сейчас снег, дорога плохая. Может, подождем, пока распогодится?

Ли Да лишь качнул головой на эти слова:

— Как раз в снег и надо идти. Первому снегу недолго лежать. Стоит солнцу припечь — всё растает, такая грязь поднимется, что и шагу не ступишь.

— И то верно, я об этом и не подумал, — тут же похвалил его Гу Чжао. — У отца опыта побольше моего будет, всё-то он знает. Погодите минуту, я принесу бумагу.

«Какой там опыт...» — подумал Ли Да, но морщинки в уголках глаз разгладились — похвала была приятной.

Гу Чжао принес чертеж и при свете лампы стал объяснять устройство печи, показывая руками размеры. Ли Чжоучжоу вошел с тазом горячей воды. Первым делом он поднес воду отцу и, прислушавшись к разговору, вставил:

— Отец, если получится, пусть к ней сразу сделают подходящий глиняный котел.

Ли Да согласно хмыкнул и принялся умываться. После чего сел на скамью и опустил ноги в горячую воду.

— Чжоучжоу прав. Подходящий котел — это важно, — Гу Чжао быстро дорисовал посудину на листе.

Ли Да смотрел на рисунок и недоумевал: зачем это рисовать? Гончар десятки лет свое дело знает, один раз глянет — и всё поймет. Но вслух ничего не сказал, просто наблюдал за стараниями зятя.

Ли Чжоучжоу, видя, как ладят муж и отец, довольно улыбнулся и снова ушел на кухню. Им с Гу Чжао тоже нужно было умыться перед сном.

Закончив с делами, они разошлись по комнатам.

Зимой на прогретом кане под теплым одеялом было особенно уютно. Гу Чжао, ласково прижавшись к Чжоучжоу, поймал его руку и стал перебирать пальцы. Ладонь была грубой, покрытой мозолями, но муж гладил её так нежно, словно это был драгоценный шелк. Ли Чжоучжоу поначалу стеснялся своих натруженных рук, считая их некрасивыми, но видя, с какой любовью Гу Чжао касается их, успокоился. От этих ласк юноша совсем расслабился.

Они шептались в темноте. Сразу после свадьбы Ли Чжоучжоу еще дичился, почти не рассказывал о домашних делах — боялся, что ученому мужу скучно будет слушать про бытовую чепуху. Но вскоре он понял: Сянгуну по-настоящему интересно всё, чем он живет.

— ...От холода куры совсем нестись перестали. Ближе к праздникам одну забьем. Свинья у нас еще молодая, её трогать не будем, мясо в деревне купим. В деревне многие колоть будут, можно выгодно сторговаться... — Чжоучжоу вдруг спохватился, откинул одеяло и хотел встать.

Гу Чжао удержал его:

— Ты куда? Что случилось?

— Совсем забыл отцу сказать! Пусть завтра в деревне Шили зайдет к учёному Чжу. Или я сам с ним пойду, надо бы гостинец собрать, у нас как раз корзинка яиц накопилась, — Ли Чжоучжоу помнил, что муж хотел просить совета у учёного Чжу. Рассуждал он просто: с чего бы почтенному человеку помогать им?

Нужно проявить уважение.

— Может, еще и курицу с собой взять?

Гу Чжао притянул его к себе. Из-за того, что ростом он был поменьше, получилось, что он сам уютно устроился в объятиях. Укрыв супруга одеялом, он мягко проговорил:

— Не спеши. Отец говорил, что учёный Чжу, сдав экзамены на титул сюэя, хочет попытаться удачи выше. Сейчас он, скорее всего, учится в окружном центре и дома его нет.

Тот, кто почувствовал успех, редко останавливается. К тому же пара книг, которые советовал учёный Чжу, продавались только в столице округа.

— Вот наступит Новый год, я сначала схожу к своему учителю, поздравлю его, а уж потом навещу дом учёного Чжу, — рассудил Гу Чжао. Раз уж ему нужна помощь, он должен явиться лично.

Ли Чжоучжоу послушался, но всё же решил: пусть отец завтра возьмет немного яиц. Самого учёного может и нет, но семья-то дома. Дорогой подарок ни к чему, просто в знак признательности.

На следующее утро Чжоучжоу поднялся еще до первых петухов.

Он приготовил отцу завтрак — в дорогу нужно было что-то сытное. Разогрел вчерашние лепешки с мясом, быстро собрал десяток яиц и несколько кусков солодового сахара.

Едва рассвело, Ли Да был уже на ногах. Умывшись, он уткнулся горячие лепешки, запил их водой и заметил в бамбуковом коробе корзинку с яйцами.

— Это кому?

— Учёному Чжу, отец. Поблагодари за то, что в прошлый раз названия книг подсказал.

— Мы же тогда ему мясо давали, — буркнул Ли Да.

— Учёный Чжу человек знающий, мужу в будущем совет может понадобиться. Негоже приходить с пустыми руками, — объяснил Чжоучжоу.

Ли Да кивнул. Спорить не стал, подхватил короб и вышел за порог.

Проводив отца, юноша не пошел досыпать. Он сгреб снег во дворе в кучи, согрел воду и сварил кашу. Когда муж проснется, его будут ждать теплая вода для умывания и горячий завтрак.

Зимой жизнь в деревне тихая — все дела крутятся вокруг дома.

В полдень супруги скромно пообедали. После чего Гу Чжао заставил Чжоучжоу сесть на кан, поставил рядом настой из унаби и строго наказал:

— Сиди смирно, никакой работы. Отдохнем немного.

— Сянгун, я так не привык, — Ли Чжоучжоу всё порывался встать, непривычно ему было среди бела дня без дела сидеть.

Гу Чжао отложил свои книги, достал чистую бумагу и кисть. Юноша решил, что муж собирается учиться, и подвинулся, но тот покачал головой. Поставив рядом блюдо с семечками, Гу Чжао сказал:

— Ты щелкай семечки, а я тебе кое-что расскажу.

— Но я ведь неграмотный, — Чжоучжоу смущенно прижал к себе одеяло.

— А я тебе вслух прочитаю, — Гу Чжао состроил жалобную гримасу. — Никто ведь не хочет меня слушать... Чжоучжоу, побудь моим учеником? Дай мне почувствовать себя настоящим учителем Гу.

Услышав это, Ли Чжоучжоу мигом забыл про смущение.

— Хорошо, сянгун. Рассказывай, я всё выслушаю.

Жизнь супругов — это прежде всего разговор.

В глазах Гу Чжао его Чжоучжоу был человеком необычайно талантливым. Он знал всё о земле: когда сеять, когда полоть; по облакам читал погоду; хозяйство вел безупречно. Это же истинный дар — уметь всё планировать так эффективно.

Но сам Чжоучжоу своих талантов не замечал и часто робел перед «ученостью» мужа.

Гу Чжао обожал слушать рассказы супруга о сельских премудростях.

Он расправил лист бумаги и поставил на нем точку.

— Ну-ка, ученик Чжоучжоу, ответь мне: что это такое?

Ли Чжоучжоу посмотрел и расслабился.

— Сянгун, это просто клякса.

— Ученик Чжоучжоу, не вздумайте пользоваться своей красотой, чтобы сорвать урок! Называйте меня «учитель Гу», — строго проговорил Гу Чжао.

Чжоучжоу прикусил губу, сдерживая улыбку, и робко произнес:

— Учитель Гу.

В прошлой жизни Гу Чжао отлично знал географию империи. Он нарисовал вокруг точки круг.

— Вот эта точка — наш городок Нинсун, — он указал на круг побольше. — А это — округ Нинпин.

Чжоучжоу показалось, что нарисовано как-то слишком мелко. Он слышал от Син-гэ'эра, что до округа на муле ехать целый день.

Но на бумаге всё умещалось в крошечную точку и кружок. Впрочем, он промолчал — мужу виднее.

Гу Чжао заметил сомнение в глазах супруга. Он провел ниже точки ломаные линии и волны, обозначая горы и реки. Сегодняшний урок был не совсем про географию.

Среди гор и лесов он нарисовал еще один кружок — там, где в прошлой жизни он больше десяти лет служил уездным судьей.

— Смотри, Чжоучжоу. Здесь горы, здесь реки. Наш Нинпин и эти земли — словно юг и север. Там, в полях, выращивают тутовник, коноплю и много риса. А вот чумизу почти не сажают, да и пшеницы мало — климат не тот.

Услышав про урожай, Ли Чжоучжоу перестал волноваться. В этом он разобрался.

— И как же они живут? — обеспокоенно спросил он. — Хватает ли им еды, если хлеба почти нет?